

17 ноября в Горьковском театре юного зрителя им. Н. К. Крупской состоялся творческий вечер заслуженного артиста республики Н. М. Тареева, посвященный 60-летию артиста и 40-летию его творческой и общественной деятельности.

Еще раз от имени многотысячной армии читателей «Ленинской смены» поздравляем Николая Михайловича Тареева, желаем ему новых творческих побед, всего самого доброго.

Сегодня мы предлагаем читателям записи беседы с Н. М. Тареевым нашего корреспондента.

— Николай Михайлович, вот Вы уже сорок лет на сцене, а как для Вас начинался театр?

— Да, уже сорок... Правда, восемь из них я провел в армии, но и там с искусством не расставался. Но об этом, я думаю, речь впереди, а вот как все это начиналось? Я прожил, судя по юбилейной афише, уже достаточно много лет, и все-таки не перестаю задумываться и удивляться, как же это так получилось, что я стал актером? Ведь родился я в глухом по тем временам селе Папулово Б.-Мурашкинского района, и детство мое пришлось на самые первые годы Советской власти. Деревня да школа первой ступени — вот и все

опрокинуть ее и, если капсюль выпадал, то мина становилась безопасной, оставалось только вывернуть взрыватель. Но если капсюль оставался в мине, то она считалась «неизвлекаемой»: по инструкции ее надо было только взрывать. Ну вот, обезвредил я их что-то около сотни, а три оказались неизвлекаемыми. Я — к инженеру дивизии. А он отдает приказ — разминировать! Ну что ж, приказ есть приказ. Пошел я к своему помощнику, рассказал о приказе, отдал ему свои документы, записал адрес родных и начал с ним прощаться. У него слезы на глазах,

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

культурные очаги нашего села того времени. Хотя со школы все, пожалуй, и началось. Была у нас замечательная учительница — вот уж действительно светоч культуры в нашем селе — и она однажды поставила с нами, учениками второго и третьего классов, пьесу, сейчас уж не помню ее названия, а помню, что играл я в ней роль старого рабочего и что с тех самых пор и загорелся, заболел я театром, хотя, по совести, и представления не имел, что это такое. Однако театр мог так и остаться только мечтой, если бы опять не она — моя первая учительница. Она буквально заставила отца, человека, правда, довольно передовых взглядов, послать меня учиться, и даже, в случае его отказа, собиралась учить меня на свои скромные деньги. Пришлось отцу расставаться с будущим работником, а ведь это крестьянину, ох, как нелегко было сделать. И отправил меня батя в Мурашкино, в школу второй ступени, наказав учиться как следует.

Закончил я школу, а мечта стать артистом — еще сильнее. Сказал об этом отцу, а он мне: «Что? В скоморохи? Прокляну и из дома выгоню!» Так и пришлось пойти в фабрично-заводское училище. Правда, я параллельно стал заниматься в вечерней театральной студии, но выпускники ее работали только в самодеятельности, а мне по-прежнему хотелось стать «настоящим» артистом. И вот, помню — словно вчера это было — иду я как-то на завод, прохожу к проходной и вижу — объявление о наборе в Горьковский музыкально-театральный техникум. Я повернулся и бегом — за документами, а мне их не выдадут — сначала отработай, а я чуть не в слезы, и все-таки выцарапал справку об окончании семилетки. И на завод уже не вернулся.

Организатором музыкально-театрального техникума был Георгий Аполлинарьевич Яворовский, а руководителем курса был Н. А. Левкоев. Скольким я обязан этим людям! У меня, наверно, никогда не хватит слов, чтобы выразить мою благодарность им за все, что они сделали для меня. Сразу после окончания техникума меня призвали в армию. Было это в 1938 году, а демобилизовался я в 1946, так что два года, на которые меня сначала призвали, растянулись пожалуй что, на полжизни.

— А что Вам особенно запомнилось из военных лет?

— Запомнилось-то многое — это ведь молодость моя была. А особенно...

Был у меня случай. Его я до мельчайших подробностей помню до сих пор. Командовал я взводом саперов, и однажды обезвреживали мы минное поле для прохода наших танков. А надо вам сказать, мины у японцев были не очень хитрые, но иногда с сюрпризом. Для того, чтобы разрядить такую, надо было

а я — как во сне. Забрался на сопку подальше от людей, одну мину взял в руки, а две положил на колени — на случай, если подорвусь, так чтобы калекой не остаться. Посмотрел в последний раз вокруг, собрался с силами и... повернул... Ничего. Еще раз. Ничего. Вывернул! Отдышался. Так, одна есть. Но ведь еще две! И вот так с каждым поворотом взрывателя уходила и возвращалась ко мне жизнь. Но что со мной было, когда я понял — живой! Привел меня в себя мой помощник, он, оказывается, за мной следом пошел...

Ну, а в 46-м году вернулся в Горьковский ТЮЗ и с тех пор с ним не расстаюсь. Он у меня после войны на всю оставшуюся жизнь.

— Николай Михайлович, расскажите, пожалуйста, о своих любимых ролях.

— Самая любимая роль у меня первая. Это Цыганок в инсценировке Груздева и Форш «Алеша Пешков». Ставил спектакль мой учитель Н. А. Левкоев. Когда после пляски Цыганка, заключавшей второй акт, я выбежал за кулисы, то попал в руки своих товарищей, которые подхватили меня и принялись качать. Потом в этом же спектакле я играл уже деда Каширина, тоже одна из любимых моих работ.

Был еще один спектакль, в котором я последовательно играл сначала комсомольца Костю Белоуса, а «чуть-чуть» попозже его старшего товарища коммуниста, — это спектакль «Город на заре» по пьесе Арбузова, поставленный В. Л. Витальевым.

С Виктором Львовичем я проработал больше двадцати лет, играл почти во всех поставленных им спектаклях и среди них одну незаменимую роль — Павку Корчагина.

И еще один любимый мною, хотя и небольшой образ — начальник строительства Беллов в спектакле «Девочки-мальчики» по пьесе Малюгина. Так эта роль на душу легла, что, как говорил Прох Садовский, между образом и актером иголку нельзя было просунуть, чтобы не задеть за живое.

— В чем, по-Вашему, особенность, специфика детского театра?

— Видите ли, если во «взрослом» театре зритель, в общем-то, вежливый, то наш зритель, если соскучится, то не будет тихо зевать в кулачок, а станет сам себя развлекать, совсем не стесняясь при этом шума. Если в особо захватывающие моменты зритель взрослого театра замирает и актер может вести свою сцену даже шепотом, то мы и на полтона не всегда можем рассчитывать, потому что наши зрители нам активно и опять же шумно помогают. Актер детского театра не может, что называется, «разыграться» и даже на минуту забыть о зрителе, нам в общем-то противопоказаны «качаловские» паузы, мы можем быть, не всегда можем использовать все достижения актерской техники. И все-таки, нет зрителя более благодарного, чем дети.

— Детский театр живет и какими-то своими собственными проблемами, заботами. В чем они, на Ваш взгляд?

— Мне кажется, что ТЮЗам, и, в частности, нашему театру, просто необходима хорошая пьеса об учителе. Сейчас в пьесах появился целый ряд «плохих» педагогов, а с такой же страстью и выразительностью написанного образа хорошего учителя — нет. Может быть, моя боль об отсутствии сегодня такого героя на сцене ТЮЗов еще так велика и из-за того, что в моей жизни учителя сыграли огромную, решающую роль. Мне кажется, я не одинок в своем желании возвысить учителя, поставить его на принадлежащий ему по праву пьедестал.

Нет у нас и хорошей пьесы о комсомоле. А как она необходима, как нужна и нам, артистам, и нашим зрителям!

А. ТИТОВА.

НА СНИМКЕ: заслуженный артист РСФСР Н. М. Тареев.

Фото: Р. БОГДАНОВА.